

УДК 316.34.2-055.2:39 (470.22)

Ю. В. Литвин

С. А. Минвалеев

**ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА В КАРЕЛЬСКОЙ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ: ВОЗРАСТНЫЕ РУБЕЖИ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС**

Переход женщины из одного социовозрастного статуса в другой в традиционной культуре в большей степени, чем у мужчины, был связан с ее физиологическими процессами. Сходные во многих обществах этапы взросления и старости корректировались этнолокальными традициями. Они содержали в себе особенности прав и обязанностей, ограничений и возможностей, которые определялись комплексом природно-климатических, социально-экономических, культурно-религиозных, этнических и других факторов. Цель статьи – выявить универсальное и этнически специфическое в сценариях старения женщины в карельской культуре. Задачи исследования включали в себя рассмотрение проблемы границ преклонного возраста, вопросы терминологии женской социовозрастной стратификации, социокультурного статуса, возможностей в семье и в сельском сообществе во второй половине XIX – первой половины XX вв. Особое внимание уделено внесемейной повседневности пожилой карелки – способам заработка денег и тем занятиям, которые не всегда приносили денежный доход, но составляли символический капитал, повышавший авторитет женщины в деревне. Избранный временной диапазон сохранял в себе черты традиционного уклада и одновременно характеризовался проникновением модернизационных перемен в жизнь сельского населения. Научная новизна заключается в систематизации материалов по изучаемому вопросу и комплексном анализе объекта исследования на основе привлечения разных групп источников, включая неопубликованные. Авторы приходят к выводу, что преклонный возраст являлся важным рубежным периодом в жизни женщины. Возрастала ее соционормативная роль, переопределялись иерархические отношения в семье внутри женского коллектива. Однако жизнь пожилой карелки не замыкалась внутри семьи. Участие в обрядах жизненного цикла, религиозной и миссионерской деятельности являлось символическим ресурсом пожилой карелки в сельском обществе и могло быть конвертировано в приносящую доход деятельность.

Ключевые слова: крестьянская семья, традиционная культура, модернизация российского общества, карелы, карельская культура, история Карелии, антропология старения, женская история, гендерные роли, пожилая женщина, бабушка, повитуха, причитальщица, знахарка, старообрядчество.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-116-126

Женский возраст в традиционной культуре отмечается рядом рубежных событий, которые в большей степени, чем у мужчин, привязаны к физиологическим и физическим изменениям. Так, наступление менструации маркировало готовность девушки к поиску брачного партнера и рождению детей; рождение детей открывало перспективу претендовать на статус хозяйки дома в большой (расширенной или составной) семье; рождение внуков, окончание периода фертильности знаменовали начало перехода женщины в категорию старух и обозначало утрату прежних прав и обязанностей.

Цель статьи – выявить универсальные и этнически специфические черты в сценариях старения женщины в карельской культуре. Задачи исследования включают в себя рассмотрение границ социовозрастной стратификации, вопросов номинации пожилой женщины в традиционной карельской культуре, ее социокультурный статус и роли в семье, а также коридор возможностей в сельской общине во второй половине XIX – первой половине XX вв. Избранный временной период связан с сохранением традиционного уклада жизни большинства сельского населения при одновременном проникновении в деревню модернизационных преобразований, открывавших, в том числе, возможности для экономической самореализации карелки. В некоторых случаях в связи с доступностью источниковой базы статья охватывает более позднее время. Территориально исследование ограничено населенными карелами волостями Олонецкой и Архангельской губерний. После 1917 г. большая часть этих территорий вошла в состав современной Карелии.

Историографический обзор и источники

Исследование социального статуса и ролей различных социальных групп с учетом пола и возраста находится в поле зрения различных наук. Социологи, в частности, указывают, что старость и пожилой возраст являются социальными конструктами, поскольку, с одной стороны, понятие «возраста» культурно и исторически детерминировано, с другой – меняется под влиянием экономических и социокультурных преобразований. В этой связи обосновывается идея о нелинейности «проекта жизни», сужении и расширении коридора возможностей для разных социальных групп в разные исторические эпохи [Григорьева, Сизова 2018, 111]. В исторических науках развитие культурной антропологии и гендерного подхода методологически обогатили изучавшиеся ранее социальные страты. Российские и зарубежные этнологи и историки, работающие в русле гендерной и женской истории, актуализировали изучение вопросов властных отношений внутри женского коллектива, детализировали специфику статуса женщины в пожилом возрасте в зависимости от национальных и локальных традиций, изучили диапазон возможностей, которые приносил новый статус (см. работы С. Б. Адоньевой, Г. И. Кабаковой, З. З. Мухиной, Н. Л. Пушкаревой, Р. Гликман, Б. Энгель и др.). Новейшие исследования связаны с изучением роли бабушек в снижении детской смертности, например, на материалах метрических книг Финляндии (см. работы S. N. Chapman et al.).

В Карелии данная тема затрагивается в работах по этнографии и истории народов Карелии и сопредельной территории Русского Севера (см., например, публикации Т. А. Бернштам, К. К. Логинова, Ю. Ю. Сурхаско, Р. Ф. Тароевой, И. И. Шангиной, И. А. Черняковой, Ю. Г. Шикалова, М.-Л. Кейнянен и др.). Исследовательский акцент в указанных работах связан преимущественно с изучением демографических параметров, брачного возраста и материнства. Комплексный взгляд на этническую специфику женской возрастной стратификации начинает привлекать карельских исследователей с 2010-х гг. (см. работы И. Ю. Винокуровой, Ю. В. Литвин).

Источниковую базу статьи составляет комплекс историко-этнографических источников, дополненных данными этнолингвистических словарей. Историко-этнографические материалы представлены отчетами и полевыми записями из Научного архива Карельского научного центра РАН, архива Русского Географического Общества и Фольклорного архива Общества Финской Литературы. В статье также представлены экспедиционные материалы в районы проживания карелов, в том числе авторов статьи. Эти сведения хранятся в Фонограммархиве Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Источники дополнены данными «образцов карельской речи», записанными лингвистами в послевоенные годы в Карелии для изучения диалектов и говоров карельского языка. Обращение к образцам речи и словарям помогло детализировать вопросы женской возрастной номинации.

Границы преклонного возраста женщин в традиционной культуре

По общероссийским данным, средний возраст менопаузы у крестьянок, проживавших на европейской территории России в конце XIX в., приходился на 45 лет, а репродуктивный период

длился около 20–22 лет [Миронов 1977, 95]. Современные финские антропологи выяснили, что в пограничной с Карелией Финляндии (находящейся в схожих природно-климатических условиях и имевшей в рассматриваемое время похожую организацию труда) в конце XIX в. репродуктивный период женщин равнялся в среднем 30 годам, начинаясь около 16 лет и заканчиваясь примерно в 45 лет [Anttila, Salmi 2001, 118–119]. Об окончании фертильного периода карельской крестьянки в возрасте 45–50 лет свидетельствуют наблюдения врачей начала XX в. [Санитарные и гигиенические условия... 1909, 12]. Более поздние данные подтверждают приведенные выше наблюдения. Карелки, эвакуированные в 1939 г. с территории Приладожья и Карельского перешейка в Финляндию, будучи лишь немногим за 50 лет, называли себя старыми [Sallinen-Gimpl 2013, 220].

Показателем наступления старости женщины было взросление и изменение социовозрастного статуса ее детей. В различных местностях России данный этап отсчитывался по-разному – с момента брака старшего сына, рождения внука или обретения последними дара речи. При этом женщину в семье начинали называть «бабушкой» [Мадлевская 2005, 22–23].

Наступление старости меняло баланс производственной нагрузки на пожилую крестьянку и позволяло отказываться от многих прежних дел. Женщину освобождали от тяжелых работ, перепоручая их более молодым членам семьи. Старость влияла на внешний вид и манеру поведения. Одежда пожилых карелок отличалась простотой: предпочтительными становились темные цвета, «рогатые» головные уборы сменялись на «безрогие» (например, платок). Финский этнограф Т.-И. Кауконен обратила внимание на манеру поведения эвакуированных в 1939 г. в Финляндию пожилых карелок: им не следовало передвигаться очень быстро, бегать, прыгать и танцевать. Вместо этого, сгорбившись, они могли делать мелкую работу в огороде, заниматься сбором грибов и ягод [цит. по: Sallinen-Gimpl 2013, 229–230]. При этом важно различать ожидаемое обществом (нормированное) поведение и реальные практики, реализуемые внутри семьи.

Терминология женской социовозрастной стратификации

Женская возрастная терминология у карелов после вступления в брак отличалась вариативностью – зависела от пола первенца (*muçoi* – ‘молодуха’ при рождении мальчика; *akka* – в случае появления первенца-девочки), длительности пребывания в браке (*moršien*, *muçoi* – женщина в первый год после замужества и при рождении первенца-мальчика; *naine* – после 10 лет замужества; *akka* – после 20 лет замужества или после рождения первенца-девочки) [Сопоставительно-ономасиологический словарь... 2007, 73, 141; Karjalan kielen sanakirja 1983, 346–347]. Вероятно, термином *akka* раньше именовали, прежде всего, пожилую женщину – свекровь или тещу – до или после появления внуков. Данное предположение находит подтверждение на материалах приладожских и северных карелов, сохранивших в культуре и языке больше архаических черт. Так, у северных карелов Контолки и Ругозера новый статус женщина обретала после создания семьи ее детьми, т. е. таким образом обозначалось ее новое социальное положение – свекровь для невестки или теща для зятя. В Тунгуде зафиксировано, что этим термином называли женщину после 20 лет брака, а в Суоярви (Приладожье) – после 25–30 лет брака, что также примерно соотносилось со временем создания семьи ее детьми [Сопоставительно-ономасиологический словарь... 2007, 73; Karjalan kielen sanakirja... 1983, 346–347]. Под влиянием миграционных процессов и межэтнических контактов фазы женского возраста после замужества были сведены до нескольких понятий, а термин *akka* закрепился за замужней женщиной в целом, обозначая в том числе пожилую карелку [Винокурова, 2012].

Помимо этнолокальных отличий, у карелов данные номинации сосуществовали с негласными правилами обращения друг к другу внутри семьи и общины. В людиковской д. Галлезеро муж в повседневной семейной жизни именовал свою жену *naine* (жена, супруга), но в случае нерасторопности мог назвать ее *akk* (баба), подчеркивая таким образом свое недовольство [Virtaranta 1963, 351]. В д. Пасынки Тверской Карелии 40-летних замужних женщин, у которых

были внуки, не называли бабушка (*boabo*) или старуха (*akka*). Соседи говорили о ней, например, женщина (*naini*) идет. При этом супруг мог уже называть ее *akka*. В целом же, старухой (*akka, boabo*) тверскую карелку обычно называли после 60 лет [Virtaranta H., Virtaranta P. 1990, 167, 169]. В последнем примере видно, как были взаимосвязаны между собой правила обращения к женщине внутри семьи и в общине, переход в новый статус (рождение внуков) и возрастной рубеж (60 лет), после которого карелка становилась старухой¹.

Пожилая карелка в семье

Появление невестки в доме означало начало перехода свекрови в новый статус. После рождения внука или внучки взаимоотношения невестки и свекрови выстраивались не столько в рамках подчинения, сколько в необходимости получения хозяйственных и магических практик [Олсон, Адоньева 2017, 230]. Невестка становилась полноправным членом семьи. Так, еще в XIX в. в расширенной семье молодая карелка становилась частью рода мужа не после венчания, а после рождения первенца. С этого времени она могла претендовать на статус хозяйки дома [Sarmela 2009, 158].

Новое положение свекрови не только переопределяло систему иерархических отношений внутри женского коллектива, но и очерчивало специфичный круг семейных обязанностей. Бабушки в больших семьях участвовали в социализации детей (мальчиков и девочек) до 5–7 лет. Социализация в этот период осуществлялась в основном через игру и фольклор, общение и была направлена на усвоение традиций и норм семьи и сельской общины [Илюха 2007, 52–53]. Финляндский исследователь П. Виртаранта, путешествуя по Беломорской Карелии, сохранил воспоминание одной из жительниц Вокнаволока о своей бабушке (*ämmö*), которая могла утихомирить разыгравшихся внуков тем, что сама начинала прыгать и буяннить. Видя такое поведение, дети успокаивались [Virtaranta 1958, 533]. Подобные практики воспитания контрастировали с ожидаемой в обществе моделью поведения пожилой женщины – степенной походкой и медлительностью.

В расширенной семье обучение хозяйственным навыкам также входило в круг обязанностей бабушек. В условиях проникновения рыночных отношений в деревню в конце XIX в. эти навыки могли быть конвертированы в приносящий доход деятельность. Так, в Олонецком уезде мастериц по кружевному производству с 5–6 лет обучали их бабушки [Карельская крестьянка... 2012, 169].

Нормы обычного права обеспечивали определенные «социальные гарантии» пожилым членам крестьянской общины. Для престарелой женщины наиболее уязвимой оказывалась ситуация потери супруга – главы семьи. В таком случае она продолжала жить с сыновьями или при разделе могла остаться с одним из сыновей, который брал на себя обязанность ее содержать. В Северной Карелии зафиксированы случаи, когда карелка отделялась сама, получая в качестве своей доли приданого корову, одеяло, часть вещей, а также муку [Ефименко 1878, 120]. Последнее, по-видимому, было характерно для женщин, способных самостоятельно позаботиться о себе. Отметим, что информация о семейном укладе карельской семьи XIX в., особенно в отношении пожилых членов, характеризуется ограниченностью данных. Вне семейную повседневность в большей степени нашла отражение в документах. Обратимся к этому сюжету.

Роли пожилой карелки в общине

Повсеместной и гендерно нейтральной была соционормативная функция пожилых людей в сельской общине. И. К. Инха в 1894 г. писал, что в Северной Карелии старики наблюдали со стороны и активно обсуждали молодежь во время их танцев [Инха 2019, 152–153]. У карелов-людиков старшее поколение во время деревенских праздников следило за поведением и внешним видом молодых людей [Virtaranta 1964, 47].

¹ У некоторых групп карелов использовался заимствованный у русских термин *staruuha* [Сопоставительно-ономастиологический словарь... 2007, 141].

Существовали специфические обязанности пожилых членов общины. Так, важнейшая роль пожилых женщин заключалась в ритуальной деятельности. С определенного времени, необязательно следовавшего с момента сложения хозяйственных полномочий, пожилые карелки принимали участие, а затем и руководили обрядами жизненного цикла внутри и за пределами семьи. Новый социальный статус мог быть использован как экономический ресурс и символический капитал. Повсеместно в России крестьянки с определенного возраста занимались повитушеством, знахарством. Л. Старк пишет, что магические занятия нередко являлись ответом малозащищенных в социальном отношении групп людей. К таковым исследовательница отнесла «профессии» повивальной бабки, знахарки, причитальщицы [Stark 2009, 4]. В карельской традиционной культуре сформировался схожий круг занятий, доступный женщинам, перешагнувшим 40-летний рубеж. Данная возможность была существенной при росте в последней четверти XIX в. товарно-денежных отношений.

Для успешной деятельности карелка должна была соответствовать негласным требованиям. Так, например, хорошая повитуха – *boabo, naba-buabu* (букв. «пуповая бабка») – должна была иметь детей, быть набожной, досконально знать весь процесс родов, иметь безупречную репутацию. За оказанную помощь женщина получала от семьи роженицы ценные подарки – предметы одежды (сарафан, передник, ткань, варежки) или продукты питания (хлеб, соль, сахар, чай). Женщина была желанной гостьей в том доме, где принимала роды; ее приглашали на свадьбы, усаживая на почетное место. В Карелии в роли повивальной бабки могла выступать пожилая опытная родственница – обычно свекровь, повитуху приглашали и «со стороны» [Сурхаско 1985, 23–24]. Обращение крестьянок к непрофессиональным повивальным бабкам продолжалось по крайней мере до 1930-х гг. [Сурхаско 1985, 23]. Востребованность услуг повитух коренилась в традициях крестьянства – специалистка не только принимала роды, но и обеспечивала магическую защиту новорожденного и матери в лиминальный период. Важными причинами являлись также наличие языкового барьера между профессиональной акушеркой и роженицей-карелкой, а также фактор «своего» и «чужого», актуальный для российской деревни в целом.

Государственная политика в области материнства и детства привела к постепенному перемещению практик родовспоможения из домашней сферы в специализированные учреждения. Однако роды представляют собой явление социальное и культурное [см., напр. Browner, Sargent 1996, 219–221]. Согласно исследованию Е. А. Белоусовой, к медикам «по наследству» от повивальных бабок перешла часть их функций, которые находили выражение в различных формах взаимодействия матери и врача [Белоусова 2014]. Данный тезис находит подтверждение на карельских материалах. Так, уже в 1960-е гг. медсестра-карелка рекомендовала роженице способ избавления от сглаза ее ребенка, заключающийся в проливании воды через дверную ручку, под которой держали младенца; затем этой водой ребенку протирали глаза по часовой стрелке [ФА ИЯЛИ 1, № 3795]. Схожие обряды, связанные с проливанием воды в сакральных местах (дверной порог или дверной проем) для защиты новорожденного, фиксировались на всей территории Карелии в XIX в. [Конкка 2003, 388]. Таким образом, народные способы лечения частично были восприняты представителями официальной медицины и включены в их практику.

Пожилые женщины осуществляли знахарскую практику. Например, участвовали в обряде повышения молодым девушкам «лемби» (*lembi, lemb*)². Обычно ритуалы поднятия лемби совершала карелка самостоятельно, совместно с другими девушками или под руководством матери. Однако если лемби «роняли», то прибегали к помощи магических специалистов. Так, у михайловских карелов-людиков знахарка ставила девушку перед печью на заслонку, затем складывала три щепки от лучины и зажигала их над шестком перед девушкой так, чтобы дым выходил через трубу наружу [НА КарНЦ, 18].

² Понятие *лемби* частично совпадает с русским понятием *славутность*.

Свадебная причитальщица была одним из главных действующих лиц свадьбы наряду с *патьявайшкой* – сватом-колдуном. Она также выполняла религиозно-магические функции на карельской свадьбе, сопровождая невесту в обрядовых действиях (обычно до перемещения свадебной процессии в дом жениха) и заботясь о ее защите от вредоносных магических сил. В роли причитальщицы выступали женщины, как правило, старшего поколения со стороны невесты (тетка, крестная, реже – замужняя сестра) [SKS, No 6721; Конкка 1974, 238]. Профессиональную плакальщицу могли нанять из другой деревни, что было более характерно для XX в. и в особенности для южнокарельской территории, вероятно, в связи с большей включенностью в рыночные отношения [Конкка 1974, 238].

Выполнение ритуалов похоронно-поминальной обрядности контролировалось старшим поколением, а пожилые женщины занимали в нем ведущие роли: причитальщицы, обмывальщицы, участницы ночных бдений у гроба и т. д. Как и во время свадьбы, причитания исполняли женщины-родственницы умершего или профессиональные плакальщицы. Им предназначалась плата за работу: ткань на одежду, платье от покойницы, мыло, дарили полотенца, на которых опускали гроб в могилу, женщин угощали чаем и приглашали на поминки [ФА ИЯЛИ 1, № 3830, 3834, 3836, 3844; ФА ИЯЛИ 2, № 3817]. Обращает на себя внимание трансформация в гендерной специализации ритуала омовения. Традиционно обмывание умершего производилось человеком одного с покойником пола – это наиболее древний обычай, широко распространенный у карелов и русских [Кремлева 2001, 75]. Чем севернее находилось поселение, тем позже утверждалась традиция обращаться за помощью в обмывании к пожилым карелкам. Если северные карелы Сегозерья еще в 1970-е гг. вспоминали об обычае мытья умершего людьми одного с покойником пола как более раннем [Конкка У., Конкка А. 1980, 23], то для южнокарельского ареала эта традиция утвердилась уже к середине XIX в. [Virtaranta 1967, 107]. Участие в обмывании пожилых женщин – «чистых», по народным представлениям – вписывалось в очищающую семантику обряда. Вдовство означало, что они претерпели личную утрату, т. е. столкнулись со смертью, поэтому допускались до исполнения обряда [Олсон, Адоньева 2017, 338].

Схожая трансформация с расширением функциональных обязанностей пожилой карелки характерна еще для одного этапа похоронно-поминальной обрядности – чтения молитв, которые исполнялись одновременно с похоронными причитаниями. Согласно полевым материалам в советское время по крайней мере у людиков функции священнослужителей взяли на себя пожилые женщины [ФА ИЯЛИ 1, № 3830]. Они также кадили помещение, где лежал покойник, и место свежевырытой могилы. Зачастую для этого делали кадило из подручных средств: совка с углями из печи и остатками церковной свечки, заменяющими ладан [НА КарНЦ, 26].

Территория края являлась одним из регионов с высокой долей старообрядческого населения – особенно филипповского и даниловского толков, не признающих иерархии и священства. В период правления Николая I репрессии против старообрядцев усилились, коснувшись преимущественно мужчин. Эти меры сформировали тип социально активной женщины-старообрядки, их авторитет возрос [Голубцов 1912, 93]. Значительную статью дохода старообрядок составляли исполнение различных треб и обучение девочек грамоте. Оплата труда «расколоучительниц» разнилась в зависимости от местности (от 3 до 15 руб. в год) и постепенно росла, однако не была высокой. Оплата могла производиться продуктами – маслом, мукой, картофелем и другими товарами [АРГО, 3; Голубцов 1912, 93; Карельская крестьянка... 2012, 213–214]. Уровень образования позволял старообрядкам заниматься обучением. Востребованность старообрядческих школ была связана с языковым барьером, отдаленностью официальных учебных заведений от мест жительства крестьян, а также относительно невысокой стоимостью услуг старообрядок и их авторитетом [АРГО, 2 об.; Бернштам 2007, 221].

Как видно из приведенных примеров, специализация пожилой карелки находилась преимущественно в плоскости исполнения религиозных и магических функций. Особенно рельефно она прослеживается в похоронном обряде, которому присущ бóльший консерватизм по сравнению со свадебной и родильной обрядностью.

Заключение

На основе комплексного прочтения источников и научной литературы были сформулированы следующие выводы:

1. Переход в категорию пожилых являлся рубежным в жизни карелки. Возрастала ее соционормативная роль, переопределялись иерархические отношения и трудовые функции внутри семьи, а также модель поведения в семье и общине.

2. Возрастная терминология отразилась в карельской лексике, маркировав физиологический этап в жизни женщины, а также изменение социокультурного статуса. На конкретных примерах показано, что термином *akka*, которым именовали замужнюю женщину независимо от возраста, раньше называли, прежде всего, пожилую женщину – свекровь или тещу.

3. Юридические обычаи карелов защищали права пожилых членов общества, возлагая на детей обязанность заботы о них. При этом на севере Карелии пожилые овдовевшие карелки, способные к труду, могли вести самостоятельную жизнь, отделившись от семьи.

4. Обращение к сюжетам, связанным с ролью женщины вне семьи, является важным для понимания символических ресурсов пожилой карелки в сельском обществе, которые могли быть конвертированы в приносящую доход деятельность.

5. Вторая половина XX в. была отмечена исчезновением повивального дела в связи с развитием медикализации и модернизации общества. Однако частично ряд магических приемов был воспринят представителями официальной медицины и включен в их практику.

6. В отличие от родильной обрядности, роль пожилой карелки в похоронном ритуале остается значительной до настоящего времени. Причитальщицы и обмывальщицы сохраняют высокий статус в карельских деревнях. На рубеже XIX – XX вв. в Карелии произошла трансформация в гендерной специализации ритуала омовения – занятие стало женским.

7. Долгое время крепкие позиции занимали женщины в старообрядчестве, выступая в роли наставниц и учительниц. Их авторитет не в последнюю очередь был обусловлен высокой образованностью и отсутствием языкового барьера, что делало услуги «расколоучительниц» востребованными в карельских деревнях. В XX в. пожилые женщины взяли на себя роль священника – исполняли молитвы и следили за исполнением христианских ритуалов во время похорон.

СОКРАЩЕНИЯ

НА КарНЦ – Научный архив Карельского научного центра РАН

АРГО – Архив Русского географического общества

ФА ИЯЛИ – Фонограммархив Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН

ИСТОЧНИКИ

АРГО – Р. 1. Оп. 1. Д. 34. Шабунин К. А. Отрывок этнографии кемских раскольников. 1876 г.

НА КарНЦ – Ф. 1. Оп. 50. Д. 4. Полевые записи по семейным обрядам и верованиям. Собиратель: Ю. Ю. Сурхаско. 1964–1972 гг.

ФА ИЯЛИ 1 – № 3795, 3829–3847. Аудиозаписи экспедиции к людикам Кондопожского р-на РК, август 2016 г. Собиратели: И. Ю. Винокурова, Ю. В. Литвин, С. А. Минвалеев, М. В. Заозерный.

ФА ИЯЛИ 2 – № 3811–3827. Аудиозаписи экспедиции к людикам Олонецкого и Пряжинского р-нов РК, июнь 2012 г. Собиратели: И. Ю. Винокурова, В. Б. Бовин.

SKS – Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kansanrunousarkisto (Фольклорный архив Общества финской литературы, г. Хельсинки). Laiho L., No 6458–6753, q. Kuujärvi. 1942.

ЛИТЕРАТУРА

Белюсова Е. А. Современный родильный обряд // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/belousova-e-a/sovremennij-rodilnij-obryad/3> (дата обращения: 06.02.2020).

- Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Изд-во СПбГУ: Петербургское Востоковедение, 2007. 311 с.
- Винокурова И. Ю.* Женский символизм в вепсской культуре: традиции и трансформации // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г., Тверь. М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 2. С. 134–136.
- Голубцов Н.* Кемский уезд. Материалы по описанию Архангельской губернии // Памятная книжка Архангельской губернии на 1912 г. Архангельск: Изд. Арханг. губ. стат. ком., 1912. С. 92–133.
- Григорьева И. А., Сизова И. Л.* Траектории старения женщин в современной России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. № 2. С. 109–135.
- Ефименко А. Я.* Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб: Тип. Киришаума, 1878. Т. VIII. С. 1–233.
- Илюха О. П.* Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 304 с.
- Инха И. К.* В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии: очерк о земле Беломорской Карелии / пер. с фин. Р. П. Коломайнен. Петрозаводск: Периодика-Юминкео, 2019. 464 с.
- Карельская крестьянка в зеркале историко-этнографических источников (вторая половина XIX – начало XX века). Сборник документов и материалов / науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. 293 с.
- Конкка А. П.* Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик. Народная медицина. Знахарство и колдовство // Панозеро: сердце Беломорской Карелии / под ред. А. П. Конкка, В. П. Орфинского. Петрозаводск: ПетрГУ, 2003. С. 386–414.
- Конкка У. С.* Карельская свадебная причитальщица – itkettäjä ‘возбудительница плача’ // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор / отв. ред. Б. Н. Путилов. Л.: Наука, 1974. С. 236–243.
- Конкка У. С., Конкка А. П.* Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX. Л.: Наука, 1980. 214 с.
- Кремлева И. А.* Похоронно-поминальные обряды у русских: связь живых и умерших // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. М.: Наука, 2001. С. 72–87.
- Мадлевская Е. Л.* Баба // Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия / Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Т. А. Зимина и др. СПб.: Искусство–СПБ, 2005. С. 21–30.
- Миронов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сборник статей / под ред. А. Г. Вишневецкого. М.: Статистика. 1977. С. 83–104.
- Олсон Л., Адоньева С. Б.* Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 440 с.
- Санитарные и гигиенические условия жизни крестьян Повенецкого уезда (из доклада III съезда земских врачей) // Вестник Олонецкого губернского земства. 1909. № 6. С. 11–12.
- Сопоставительно-ономазиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков / под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. 348 с.
- Сурхаско Ю. Ю.* Семейные обряды и верования карел: конец XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1985. 174 с.
- Anttila L., Salmi T.* Vaihdevuodet // Naistentaudit ja synnytykset. Vammala: Vammalan Kirjapaino Oy, 2001. S. 118–128.
- Browner C. H., Sargent C. F.* Anthropology and Studies of Human Reproduction // Medical Anthropology: Contemporary Theory and Method / eds. C. F. Sargent, T. M. Johnson. New York: Praeger, 1996. P. 219–234.
- Karjalan kielen sanakirja. Osa III. L–N / päätoim. P. Virtaranta. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1983. 584 s.
- Sallinen-Gimpl P.* Karjalainen nainen. Helsinki: Unifada, 2013. 252 s.
- Sarmela M.* Finnish Folklore Atlas. Ethnic Culture of Finland / trans. A. Silver. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2009. 668 p.
- Stark L.* The charmer’s body and behavior as a window onto early modern selfhood // Charms, Charmers and Charming / ed. R. Jonathan. London: Palgrave, 2009. P. 3–16.
- Virtaranta H., Virtaranta P.* Karjalan kieltä ja kansankulttuuria I. Tverinkarjalaisia kielennäytteitä. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990. 445 s.
- Virtaranta P.* Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1963. 419 s.

Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa III. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1964. 402 s.

Virtaranta P. Lähisukukielten lukemisto. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1967. 239 s.

Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo–Helsinki: WSOY, 1958. 804 s.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках госзадания КарНЦ РАН

Поступила в редакцию 21.12.2020

Литвин Юлия Валерьевна,

кандидат исторических наук, научный сотрудник,

Институт языка, литературы и истории

ФГБУН ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук»,

РФ, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11.

e-mail: litvinjulia@yandex.ru

Минвалеев Сергей Андреевич,

младший научный сотрудник,

Институт языка, литературы и истории

ФГБУН ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук»,

РФ, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11.

e-mail: minvaleevs@gmail.com

Yu. V. Litvin, S. A. Minvaleev

ELDERLY WOMAN IN KARELIAN TRADITIONAL CULTURE: AGE BOUNDARIES AND SOCIOCULTURAL STATUS

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-116-126

To a larger extent than in case of a man the transition of a woman from one socio-age status to another in traditional culture was connected with her physiological changes. Stages of growing-up and ageing which were similar in many societies were regulated by the means of local tradition. It included complex of rights and obligations, restrictions and opportunities, which were determined by a combination of climatic, socioeconomic, cultural, religious, ethnic and other factors. The focus of the paper is to identify the universal and the ethnically specific traits in the scenarios of women aging in Karelian culture. Research purposes included consideration of issues about the old age limits, the field of female socio- age stratification terminology, the matter of sociocultural status, limitations and opportunities for Karelian women within and outside the family. The study observes the period of the late XIX – early XX century. The territorial framework is outlined by the boundaries of the Karelian population dwelling in the Olonets and Arkhangelsk provinces (the part of the Republic of Karelia in present). The authors conclude that late maturity was an important milestone in the life of Karelian woman. Normative role was growing, hierarchical relations in the family were redefined. However, the life of an elderly woman was not limited to family affairs. Participation in life cycle ceremonies, religious and missionary activities was a symbolic resource of the Karelian women in rural society and could be converted into revenue.

Key words: peasant family, traditional culture, modernization of Russian society, Karelians, Karelian culture, history of Karelia, anthropology of aging, female history, gender roles, elderly woman, grandmother, midwife, wailer, sorceress, Old Believers

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 1, pp. 116–126. In Russian.

REFERENCES

Belousova E. A. Sovremennyi rodil'nyi obryad [Modern maternity rite]. *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore and post-folklore: structure, typology, semiotics]. In Russian. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/belousova-e-a/sovremennij-rodil'nij-obryad/3> (accessed 06 February 2020).

Bernshtam T. A. *Prikhodskaya zhizn' russkoi derevni: ocherki po tserkovnoi etnografii* [Parish life of the Russian village: essays on Church Ethnography]. Saint-Petersburg, SPbU: St. Petersburg Oriental Studies Publ., 2007. 311 p. In Russian.

Vinokurova I. Yu. *Zhenskii simbolizm v vepsskoi kul'ture: traditsii i transformatsii* [Female symbolism in Vepsian Culture: Traditions and transformations]. *Zhenshchiny i muzhchiny v kontekste istoricheskikh peremen: Materialy Pyatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZhI i IEA RAN* [Women and men in the context of historical change: Proceedings of the fifth scientific conference of the RARWH and IEA RAS]. Moscow, 2012. Vol. 2. Pp. 134–136. In Russian and Vepsian.

Golubtsov N. *Kemskii uезд. Materialy po opisaniyu Arkhangel'skoi gubernii* [Kemsky Uyezd. The materials for the description of the Arkhangelsk Governorate]. *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1912 g.* [Memorial book of the Arkhangelsk Governorate for 1912]. Arkhangelsk, Arkhangelsk Governorate Statistical Committee Publ., 1912. Pp. 92–133. In Russian.

Grigor'eva I. A., Sizova I. L. *Traektorii stareniya zhenshchin v sovremennoi Rossii* [The trajectories of aging women in modern Russia]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology]. 2018. No 2. Pp. 109–135. In Russian.

Efimenco A. Ya. *Yuridicheskie obychai loparei, korelov i samoedov Arkhangel'skoi gubernii* [Legal customs of the Lapps, Korels and Samoyeds of the Arkhangelsk Governorate]. *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii* [Notes of the Russian Geographical Society for the Department of Ethnography]. Saint-Petersburg, Kirshbaum Printing House Publ., 1878. Vol. 8. Pp. 1–233. In Russian.

Ilyukha O. P. *Shkola i detstvo v karel'skoi derevne v kontse XIX – nachale XX v.* [School and childhood in the Karelian village of the late 19th century – the early 20th century]. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2007. 304 p. In Russian.

Inkha I. K. *V krayu kaleval'skikh pesen: tropoi Lennrota po Belomorskoi Karelii: ocherk o zemle Belomorskoi Karelii* [In the land of Kalevala songs: the Lönnrot trail along the White Sea Karelia: an essay on the land of the White Sea Karelia]. Petrozavodsk, Periodika–Juminkeko Publ., 2019. 464 p. In Russian.

Karel'skaya krest'yanka v zerkale istoriko-etnograficheskikh istochnikov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). Sbornik dokumentov i materialov [Karelian peasant woman in the mirror of historical and ethnographic sources (second half of the 19th century – beginning of the 20th century). Collection of documents and materials]. Petrozavodsk, Karelian scientific center of the RAS Publ., 2012. 293 p. In Russian.

Konkka A. P. *Rodiny i detskie nedugi. Nochnitsa. Sglaz. Rodimchik. Narodnaya meditsina. Znakharstvo i koldovstvo* [Celebration of child birth and childhood illnesses. Nochnitsa. Evil eye. Rodimchik. Traditional medicine. Witchcraft and sorcery]. *Panozero: serdtse Belomorskoi Karelii* [Panozero: the heart of the White Sea Karelia]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2003. Pp. 386–414. In Russian.

Konkka U. S. *Karel'skaya svadebnaya prichital'shchitsa – itkettaja 'vozbuditel'nitsa placha'* [Karelian wedding wailer – itkettäjä 'the causative agent of crying']. *Folklor i etnografiya. Obryady i obryadovi fol'klor* [Folklore and Ethnography. Rites and ritual folklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. Pp. 236–243. In Russian.

Konkka U. S., Konkka A. P. *Dukhovnaya kul'tura segozerskikh karel kontsa XIX – nachala XX.* [The spiritual culture of the Segozero Karelians of the late 19th – the early 20th]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 214 p. In Karelian and Russian.

Kremleva I. A. *Pokhoronno-pominal'nye obryady u russkikh: svyaz' zhivykh i umershikh* [Funeral and memorial rites in Russian: the connection between the living and the dead]. *Pravoslavnaya zhizn' russkikh krest'yan XIX–XX vekov: Itogi etnograficheskikh issledovaniy* [Orthodox life of Russian peasants of the 19th century – 20th centuries: Results of ethnographic studies]. Moscow, Nauka Publ., 2001. Pp. 72–87. In Russian.

Madlevskaya E. L. *Baba* [Woman]. *Muzhiki i baby: muzhskoe i zhenskoe v russkoi traditsionnoi kul'ture. Illyustrirovannaya entsiklopediya* [Men and women: male and female in Russian traditional culture. Illustrated Encyclopedia]. Saint-Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ., 2005. Pp. 21–30. In Russian.

Mironov B. N. *Traditsionnoe demograficheskoe povedenie krest'yan* [Traditional demographic behavior of peasants]. *Brachnost', rozhdaiemost', smertnost' v Rossii i v SSSR. Sbornik statei* [Marriage, fertility, mortality in Russia and the USSR. Collection of articles]. Moscow, Statistika Publ., 1977. Pp. 83–104. In Russian.

Olson L., Adon'eva S. B. *Traditsiya, transgressiya, kompromiss. Miry russkoi derevenskoi zhenshchiny* [Tradition, transgression, compromise. Worlds of Russian village women]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 440 p. In Russian.

Sanitarnye i gigenicheskie usloviya zhizni krest'yan Povenetskogo uyezda (iz doklada III s'ezda zemskikh vrachei) [Sanitary and hygienic living conditions of the peasants of the Povenets district (from the report

of the III Congress of Zemstvo doctors)]. *Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstvo* [Bulletin of the Olonets Governorate's Zemstvo]. 1909. No 6. Pp. 11–12. In Russian.

Sopostavitel'no-onomasiologicheskii slovar' dialektov karel'skogo, vepsskogo, saamskogo yazykov [Comparative-onomasiological dictionary of dialects of Karelian, Veps and Sami languages]. Petrozavodsk, Karelian scientific center of the RAS Publ., 2007. 348 p. In Russian, Karelian, Vepsian and Sami.

Surkhasko Yu. Yu. *Semeinye obryady i verovaniya karel: konets XIX – nachalo XX v.* [Family rites and beliefs of the Karelians: the end of the 19th century – the beginning of the 20th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 174 p. In Russian.

Anttila L., Salmi T. *Vaihdevuodet. Naistentaudit ja synnytykset.* Vammala, Vammalan Kirjapaino Oy Publ., 2001. S. 118–128. In Finnish.

Browner C. H., Sargent C. F. *Anthropology and Studies of Human Reproduction – Medical Anthropology: Contemporary Theory and Method.* New York, Praeger, 1996. Pp. 219–234. In English.

Karjalan kielen sanakirja. Osa III. L–N. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura Publ., 1983. 584 s. In Finnish and Karelian.

Sallinen-Gimpl P. *Karjalainen nainen.* Helsinki, Unifada Publ., 2013. 252 s. In Finnish.

Sarmela M. *Finnish Folklore Atlas. Ethnic Culture of Finland.* Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura Publ., 2009. 668 p. In English.

Stark L. *The charmer's body and behavior as a window onto early modern selfhood – Charms, Charmers and Charming.* London, Palgrave Publ., 2009. Pp. 3–16. In English.

Virtaranta H., Virtaranta P. *Karjalan kieltä ja kansankulttuuria I. Tverinkarjalaisia kielennäytteitä.* Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura Publ., 1990. 445 s. In Finnish.

Virtaranta P. *Lyydiläisiä tekstejä. Osa II.* Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura Publ., 1963. 419 s. In Finnish and Karelian.

Virtaranta P. *Lyydiläisiä tekstejä. Osa III.* Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura Publ., 1964. 402 s. In Finnish and Karelian.

Virtaranta P. *Lähisukukielten lukemisto.* Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura Publ., 1967. 239 s. In Finnish and Karelian.

Virtaranta P. *Vienan kansa muistelee.* Porvoo–Helsinki, WSOY Publ., 1958. 804 s. In Finnish.

Received 21.12.2020

Litvin Yuliya Valer'evna,
Candidate of History, Researcher,
Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the RAS,
11, Pushkinskaya st., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation.
E-mail: litvinjulia@yandex.ru

Minvaleev Sergei Andreevich,
Junior Researcher,
Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the RAS,
11, Pushkinskaya st., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation.
E-mail: minvaleevs@gmail.com